

лась им из одного плана в другой, иносказательный, аллегорический, как правило, при помощи аналогии, основанной на сходстве не основных, а второстепенных, случайных признаков. Отсюда: в процессе своего вторичного рождения вещи у него нередко перевоплощались самым неожиданным и химерным образом; радуга перевоплощалась в богородицу, зеркало становилось прообразом Христа, молния стала обозначать богатство, ласточка — друга, рыба — душу человеческую, свеча — веру, овца — церковь, лев мог стать прообразом бога, орел — Христа, червь — ереси, сокол — грешника и т. п. Характерный пример такого рода сближений — стихотворение „Судь“ в „Вертограде“, где Симеон предлагает читателю подражать... собаке и овце (л. 485):

Песь утруженный, егда хочеть спати,
 обыче прежде сам ся обращати,
 Нежели ляжеть. Егда осмотрится
 окрестъ на мѣстѣ, тогда положится.
 Онъ по естеству нам же подобаеть,
 да кождо во нравъ то себѣ взимаеть:
 Еже на ложе спати отходящу,
 быти окрестъ ся прилѣжно смотрящу,
 Еже есть весь день умомъ разсудити,
 не случилися в онъ что согрѣшити.
 И аще кая злоба усмотрится,
 абие овцы да уподобится.
 Овца бо, егда придетъ время спати,
 нравъ на колѣна имать припадати.
 Овчестуй кождо, — прежде преклонися
 на колѣна ти: сердцемъ сокрушися
 О твоихъ грѣсѣхъ, таже положися,
 божией стражи говѣнно вѣручися.
 Полезно к тому ложе измывати,
 Давыдски слезми постель омочати.
 Ибо кто сице въ вечеръ умилится,
 въ утрий день свѣтло той возвеселится.

Это закономерное для Симеона совмещение несовместимого на одной плоскости, эта всегда занимавшая его игра отдаленными аналогиями, бросают свет и еще на одну характерную особенность его поэтического творчества: бесконечное вращение по одному и тому же кругу. Возможность сближать между собою самые разнообразные и часто несовместимые явления позволяла Симеону без особого труда варьировать одну и ту же тему десятки и сотни раз, — ибо и зеркало, и лев, и птица Феникс, и море, и сосуд, и камень, и виноградная лоза могли обозначать у него одно и то же (Христа); солнце могло обозначать и Христа, и царя Алексея Михайловича, и царевича Алексея, и царя Федора Алексеевича; овца могла обозначать и церковь, и человека, и даже богородицу; столп, свеча, звезда могли обозначать и веру, и раскаявшегося грешника, и еще многое иное. Та же возможность позволяла